

Колтович Евгений

Притяжение неба

Евгений Константинович Колтович

Притяжение неба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28755333

SelfPub; 2018

Аннотация

Зарисовка, навеянная увиденным наяву. Трогательная, печальная история с философским подтекстом.

Е. Колтович

ПРИТЯЖЕНИЕ НЕБА

... И вроде ничего не случилось. Теплый, летний ветер разгонял хлопья редких облаков по вечернему небу, спрятанное за высокими домами солнце дразнило последними отблесками. Шелест колес растворился в общей массе потока машин. Вроде и был крик, но подхваченный звуками, завершающего работу города, он отозвался в сердце каким-то недоразумением, чем-то непонятным, а то и лишним, даже неуместным. И если и скатилась слеза, то она тут же высохла, не успев проложить дорожку по щеке. Бремя скоростей уверяло, ничего не случилось, потому что нет времени на чувства и нервов на их трату. Да и было бы ради чего. Любое событие только придает еще больше убедительности статистике: на некий процент колес приходится определенный процент жизней. Процент – хорошее слово: вносит понимание момента. Вот он, итог жизни в нескольких секундах.

Секунды складываются в минуты. Алексей посмотрел на часы и вздохнул, как долго еще этот компьютер будет «думать»? Дверь открылась, из офиса вышел Олег.

– Ты еще здесь? – спросил он, застегивая сумку.

– Да, поработаю еще. Пошел потихоньку?

– Да уж поработал, хватит. Завтра в отпуск? Слышал, домой поедешь?

Алексей блаженно откинулся в кресле, закинув руки за голову.

–Домой. Семь дней ехать.

–С ума сойти. До Владивостока? Семь дней в поезде!

Олег покачал головой и достал сигарету.

–Оно того стоит, Олег. Всю Россию увидеть. Великие реки, Байкал, знал бы ты, красота какая. Кстати, на Байкале, у меня родился оригинальный критерий красоты. Угости сигареткой.

Олег протянул раскрытую пачку. Прикурил и выпустил струю дыма.

–И какой же?

–Место, где хотелось бы умереть.

–Слушай, круто. Надо запомнить. Значит, последний вечер... Поезд когда?

–Завтра, поздно, поздно вечером. Так что, спешить особо некуда. Доделаю кое-какие дела и в часиков десять двину.

–Ну, счастливо тебе. Держи пять.

Виктор положил пятирублевку в карман, затушил окурок и достал мобильный телефон.

–Друг должен приехать, из Норильска, – пояснил он, набирая номер, – Хочу столицу показать.

Николай одобрительно кивнул, вытирая руки промасленной тряпкой. После, сняв робу, разогнулся, потягиваясь, и направился в душ.

Троллейбусный парк постепенно пустел. Мимо Николая прошли рекламщики, что-то со смехом обсуждая. Вот они подошли к троллейбусу, тут же бросили на бетонный пол рулон полноцвета и, настороженно озираясь, достали бутылку и пластиковые стаканчики.

–Здорово, Коль! Как-то мы тебя не заметили, выпьешь?

–Спасибо, но я уже домой. Что будете клеить?

–«Спортмастер», будь он не ладен, – ответил, постриженный наголо паренек, расстегивая куртку.

Когда Николай вышел из душа, работа уже кипела. Отрывалась старая реклама, тут же борт покрывался грунтовкой, высушивался феном. Николай попрощался и направился к выходу, где столкнулся с Виктором. Тот стоял в дверях, лузгая семечки, довольно щурясь на уходящее солнце.

–Ну, как, дозвонился? – спросил Николай, распечатывая пачку «Союз-Апполон».

–Ага. И знаешь, чего я придумал?

–Дай семян-то, Витек. И чего придумал?

Раскрытая ладонь приняла россыпь черных, блестящих душистым маслом, обжаренных градин.

И все-таки одна из градин угодила прямо в нос. Было так смешно! Щенок чихнул, вспоминая прошедший недавно град. Тогда миска с кашей наполнилась водой, когда они, всей семьей сидели под деревянным настилом, прижимаясь к теплему боку матери. Вот тогда он и высунулся, что бы лизнуть град. Вот тогда-то его и стукнуло. Он взвизгнул и ки-

нулся назад, но пегий уже занял его место и не хотел пускать. Он бы задал пегому, но мама проворчала, указывая другое место и лизнула ему морду. Таким теплым-теплым, таким шершавым-шершавым языком, как асфальт, на котором он сейчас лежал. Теплый-теплый, шершавый-шершавый. Неподалеку резвились его сестры и братья, а он, лежа на боку, утопал в неге теплого вечера, взором отдаваясь небесному притяжению. Лето. Чертовски хорошее это дело – лето. Правда говорят, будет какая-то зима. Все вокруг будет белое-белое, как сахар, только не вкусный, холодный и мокрый. И говорят про какие-то холода: дескать, ничего хорошего. Может, пронесет? Может, не в этой жизни... Где-то в стороне пролетали машины, спешили делиться впечатлениями от уходящего дня. Дорога в стороне поднималась к мосту, и казалось, один ее конец упирается туда, где только что скрылось солнце. Из-за угла вышел человек, щенок уголком зрения заметил, что он так же смотрит вверх себя, на небо, изредка, с улыбкой, переводя взгляд на него. Человек что-то не спеша жевал. Похоже на бутерброд. Запахло колбасой. Если приложить немного старания и максимум обаяния, то может и перепасть. Иногда срабатывало. Тем более есть что-то между ними общее: Небо.

–И не надо так на меня смотреть, Коль, – усмехнулся Виктор, – всего-то делов...

–Ага, покатай на троллейбусе друга по Москве. Ну, положим, выехать, ты выедешь, на охране бутылку дашь, да и

Миха сейчас там.

– Ясно дело, – хмыкнул Виктор.

– А если бугор заявится?

Николай затушил окурок и выкинул его в ящик с песком.

– А чего ему здесь делать? Полночи погоняем и в парк.

– Хорошие семечки, сам жарил?

– Жена. Возьми еще, – произнес Виктор, протягивая горсть.

– Ага, спасибо. Ну, не знаю, я бы на твоём месте крепко подумал.

– Пускай академики думают, мы лучше дело делать будем. Одолжи столярник, завтра же отдам. Куплю бутылку мужикам. Отлично! Если что, звони.

Обменявшись рукопожатиями, парни разошлись.

Словно корабли, в пересыхающей луже плавали листья, сходясь и расходясь в пересечении взглядов щенка и Алексея. Водная гладь отражала голубым оком небесную глубину, вбирая в себя всю его высоту и ширь. Лист прошелся по облаку как по гребню волны и пристал к берегу. У каждого есть свой берег, по крайней мере, так хочется думать. У него есть своя конура, думал человек, глядя на щенка, а у него дом и кровать, отвечал ему тот. А у корабля должен быть берег, соглашались оба, или, хотя бы морское дно.

Вода даже не покрывала доньшко чайника. Алексей вздохнул, так лень подниматься за водой. Посмотрел на ча-

сы, десять пятнадцать, пора домой. Переобулся, закинул в рюкзак дискеты, стопку бумаги (позаимствовал из принтера для своих, личных нужд); чего бы еще поиметь с работы, озираясь вокруг, подумал он. А может до «Войковской» на троллейбусе? Блажь, какая, пешком быстрее дойду и прогуляюсь заодно.

– Поеду, прогуляюсь, – Виктор приветственно махнул рукой будке с охраной и выехал за территорию троллейбусного парка.

Он не стал сразу выезжать на шоссе, а решил проехать по, проходящей в стороне дороге, а уже там свернуть под мост. Поддав газа, он достал телефон и набрал нужный номер, на мгновение, залюбовавшись алеющим закатом. Вот оно: птица Феникс сгорает, осыпая золой небо с тем, что бы вновь возродиться. Закат, как кровавый итог умирающего дня. А если проще, то все эти символы и образы не более чем отрывок незаконченного высшего гуманитарного, его лохмотья. Проведя ассоциативный ряд от томатного сока до крови, Виктор нажал кнопку вызова. Краем глаза он заметил проходящего в стороне молодого человека с рюкзачком на плечах и посмотрел на дорогу.

Весь мир на этой дороге, шершавой, теплой, как матери язык. Родился он на этой дороге и живет на ней и все, что есть в этом мире, проходит по этой дороге. А вот вскоре спуститься ночь и в небо брызнет молоко, толстой, жирной стру-

ей, растекаясь вширь, роняя капли. Он часто смотрел на эту дорогу в небе. После дождей, она отражалась в лужах, и ее можно было даже лакать, вот только разницы не было никакой между ней и простой водой. Попасть бы туда, хоть на чуть-чуть, и лизнуть. Где-то рядом послышался тревожный лай, в котором узнавался голос сестры, рыжешерстой, красивой, с белыми перчатками на лапах, которыми она очень гордилась. Наверное, что-то случилось и надо бы посмотреть, вот только сейчас, дождусь когда ночь опуститься; уже так скоро. Уже сейчас...

-Сейчас, сейчас, дверь открою.

-Ну, ты Витек даешь! – мужчина зашел в кабину и поздоровался, – На троллейбусе. Круто! Тебе ничего не будет?

-Все на мази, – успокоил того Виктор, – сейчас покатаемся по маршруту, заскочим в бар. Бильярд, коньячок. Потом я загоню машину в парк и ко мне домой.

-Нет, тебе точно ничего не будет? А то, как бы...

-Не дрейфь! Садись поудобнее и смотри.

-Эй, эй, посмотри назад! Назад посмотри!

Голос Алексея вплелся тревогой в испуганный лай щенков. Но ведь этого не может быть, в такой прекрасный вечер! Этого нельзя допустить, но это происходит на твоих глазах. Неужели он не видит? Щенок и водитель, не видят?! Лай стих. Передние колеса мягко прошлись по маленькому телу,

протащив за собой переворачивая, оставили за собой. Щенок недоуменно попытался поднять голову, но тут же подошли задние колеса и довершили то, чего не сделали передние. Шорох шин слился с общим шелестом колес, пронесшихся по мосту машин. И тут, острой болью лопнула некая струна в душе, отбрасываясь к горлу. Неожиданно для себя, Алексей издал отчаянный, сдавленный крик и прижал руки ко рту. Неподалеку, братья и сестры в ожидании смотрели на лежащего щенка, не понимая, почему он не встает, продолжая смотреть в небо. Тело несколько раз судорожно дернулось и затихло.

–И всего-то... Ни крика. Ни стоны. Так просто – и все. И всего то... – шептал Алексей, смотря на маленькое, раздавленно-разорванное тельце, – Будто ничего и не произошло. Так тихо...

Он посмотрел вверх. На небе начали появляться молочные брызги.

–Иди молочка попей, дитя! – Виктор привстал, пьяно покачиваясь, – Ты прикинь, Санек, – обратился он к другу, – Говорит, я его кружку взял.

–Ну, так это, огребет сейчас! Пошли-ка, выйдем. И друзей своих прихвати.

–Давай, давай! Иди сюда! Сюда иди!

–Иди к нам, – услышал он, чей-то голос. Раньше такого не было. И ночь опускалась дольше и кипенная, молочная

река не казалось столь близкой. Момент притяжения неба: чья-то мягкая рука, мягко перевернула и, в несколько кругов закрутили круги. Ах, да, а что там за шум был? Щенок обернулся назад и увидел, где-то внизу парня с рюкзачком, прижимавшего руки ко рту, братьев и сестер, непривычно тихо смотревшим куда-то. Щенок проследил за их взглядом и увидел провожающий его взор. Хотя скорее, это еще кто-то смотрел в небо. Однако надо поспешить, успеть бы до прихода матери, а то сердиться будет. Хотя, все равно, потом облизет морду таким, шершавым-шершавым, теплым-теплым языком. Ведь мама так любит его, поэтому не надо лишний раз расстраивать ее. Щенок весело дернул хвостом и кинулся к молочной дороге, слизывая по пути зерна брызг.

Виктор, облизывая, разлепил губы. Голова разваливалась на куски, невыносимо хотелось пить. Где-то разрывался мобильник. Виктор встал, отмечая разгром в квартире и липкую, вонючую духоту, обволакивающую тело. Взял трубку, поднес ее к уху и стал слушать, морща лоб. После, бросил телефон на кровать, сплюнул и пошел на кухню. Там, уронив голову на стол, дремал друг, приехавший их Норильска. Виктор открыл холодильник, достал двухлитровую бутылку «Очакова». Еще осталось. Немного, но мозги прочистит. Растолкал товарища, наливая ему в стакан пива. Тот открыл мутные глаза, протянул руку и одним глотком выпил пенящуюся жидкость.

–Прикинь, Санек, меня уволили. Звонил напарник с ра-

боты. Утром пришел бугор, искал меня, искал троллейбус... Не помнишь, где мы его оставили?

–Все, что я помню, это как мы схлестнулись с малолетками у бара. Плескани еще. Говорил я тебе... Гадство, накинули, как собаки. Стая.

–Люди, Санек, собаки. Человек создает бога по своему образу и подобию, а собака – по образу и подобию человека. Очевидно, что Бог, существо интеллигидельное, что со всей очевидностью роднит человека и собаку, ибо не редкость особачивание человека и очеловечивание собаки, а такие пересечения наводят на мысль о кресте, читай распятии...

–Хорош грузить! И так голова... Чего делать-то будешь?

–А, черт с ним! Работы в Москве, как грязи.

–Что это у тебя с рукой?

Виктор посмотрел, куда указывал друг.

–Да видно, расквасил кому-то, крепко. Сейчас смою.

Он открыл на кухне кран, подставляя под холодную струю руки.

–Где-то, я уже это видел, – зевая произнес он, тяжелым взглядом провожая окрасившуюся багряным воду, воронкой исчезавшей в чернеющем стоке раковины.

Алексей ополоснул раковину, закрыл кран и вытер руки. Теперь можно и домой. Закинув рюкзак за спину, он вышел в пустой коридор, окидывая его прощальным взглядом. «Теперь

только через месяц и свидимся» – без особой тоски подумал он и продолжил уже вслух, – век бы эту контору не видеть. Развернул бутерброд и, надкусив, вспомнил щенка, которого видел утром по пути на работу. Решив поделиться с ним колбасой, толкнул дверь и вышел на улицу. Скрытое домами солнце отбрасывало алые сполохи и, как всегда, Алексей задержался у перил, очарованный притяжением неба.